

30 октября 1821 года (ст. стиль; 11 ноября. — н. стиль) в семье Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских родился сын Федор — будущий великий писатель России. С детства Федор проявлял интерес к историческим сочинениям Н.М. Карамзина, стихотворениям Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, историческим романам И.И. Лажечникова, К.П. Масальского, Д.И. Бегичева, М.Н. Загоскина. В исторических параллелях будущий писатель черпал материал для размышлений о современных проблемах.

В 1837 году по настоянию отца Федор и старший брат Михаил были направлены в Петербург для поступления в Инженерное училище. Окончив через шесть лет училище, Федор получил звание подпоручика и начал службу в Инженерном департаменте. Однако однообразие военной карьеры тяготило молодого человека, и 19 октября 1844 года он вышел в отставку, чтобы посвятить себя целиком литературному творчеству. Первые сочинения Достоевского — драмы «Мария Стюарт» и «Борис Годунов» — являлись подражанием Шиллеру и Пушкину. Они не сохранились.

В большую литературу Достоевский вошел в ноябре 1844 года романом «Бедные люди». Первый вариант романа не удовлетворил писателя. Он несколько раз переделывал текст, пока окончательно не завершил его в мае 1845 года. В один из майских дней Достоевский читал рукопись романа «Бедные люди» Д. Григоровичу, пришедшему в восторг от сочинения товарища. На другой день Григорович отнес рукопись Некрасову, который по прочтении также высоко оценил произведение молодого писателя. Утром того же дня Некрасов отнес рукопись В.Г. Белинскому со словами: «Новый Гоголь явился!» Белинский строго ответил: «У вас Гоголи-то как грибы растут». Но рукопись взял, а после прочтения вечером того же дня срочно потребовал привести к нему Достоевского. Федор Михайлович позже вспоминал: «И вот... меня привели к нему... Белинского я читал уже несколько лет с увлечением, но он мне казался грозным и страшным, и — «осмеет он моих “Бедных людей”!» — думалось мне... Он встретил меня чрезвычайно важно и сдержанно... но не прошло, кажется, и минуты, как все преобразилось... Он заговорил пламенно, с горящими глазами: “Да вы понимаете ли сами-то, — повторял он мне несколько раз и вскрикивая по своему обык-

Федор Михайлович Достоевский

новению, — что вы такое написали!.. Осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы в ваши двадцать лет уж это понимали... Вам правда открыта и возведена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар... и будете великим писателем!»

Первым своим произведением Достоевский открыл для общества вслед за Гоголем нравственную философию «маленьких людей» — обитателей петербургских окраин, ютившихся в темных углах, но сохранивших чистоту и непорочность души. Впервые публично писатель высказал в романе свое отношение к социальному строю России, роскоши одних и нищете других. С тех пор тема маленького страдающего человека в условиях бесчеловечной действительности не покидала писателя. Связано это, прежде всего, с осмыслением писателем роли и места России в экономических, социально-политических и духовно-нравственных процессах. В течение многих лет он напряженно размышлял о судьбах России, что нашло отражение в ряде художественных и, особенно, публицистических произведений. Искания Достоевского были обусловлены также стремлением теоретически обосновать поддерживаемую им и его соратниками (А. Григорьев, Н. Страхов) доктрину почвенничества.

Участие Достоевского в кружке М.В. Буташевича-Петрашевского, арест, девятимесячное тюремное заключение в Петропавловской крепости, приговор к смертной казни, высочайшее помилование, четырехлетнее пребывание на каторжных работах в омском остроге, солдатская служба в Семипалатинске кардинальным образом изменили судьбу писателя. В Сибири он открыл для себя новую Россию, познакомился с разными человеческими типами и судьбами русских людей. Опыт сибирской каторги нашел отражение в уникальном для тогдашней России произведении «Записки из Мертвого дома» (1860–1862).

Возвращение в Петербург в конце 1859 года открыло новый период в творчестве Федора Достоевского. В течение 1861–1865 годов совместно с братом Михаилом он издавал литературно-публицистические журналы «Время» и «Эпоха». В них отразились различные стороны доктрины почвенничества как идейно-политической платформы жизни пореформенной России. Центральное место в доктрине занимала тема русского народа, поиск путей улучшения народной жизни. «...Русская нация — необыкновенное явление в истории человечества» [XVIII, 54]. (Далее в тексте ссылки по: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. — Л.: Наука, 1972–1990. Первая цифра означает номер тома, вторая — страницу).

Выдвигая идеи самобытности России, ее ведущей роли в эволюции человечества, Достоевский обличал католический Запад, Западную Европу за отступление от идеалов подлинного христианства, за преклонение перед наживой и властью. Начальным этапом исследования проблемы стала поездка писателя в Европу в 1862 году. За два с половиной месяца (с 7 июня по 24 августа) писатель объехал Германию, Францию, Англию, Швейцарию, Италию, Австрию. Он побывал в Берлине, Дрездене, Висбадене, Кельне, Париже, Лондоне, Дюссельдорфе, Майнце, Женеве, Люцерне, Турине, Флоренции, Генуе, Милане, Венеции, Вене. Во многих городах, где останавливался Достоевский, есть сегодня памятные доски в его честь. Еще до поездки писатель с

предубеждением относился ко всему западноевропейскому, ставя его неизмеримо ниже русского.

Итоги своего европейского путешествия Федор Михайлович отразил в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), напечатанных в № 2–3 журнала «Время». В этом произведении, написанном в виде путевых заметок, он проследил историю взаимоотношений России и Европы с XVIII века. Мыслитель резко критиковал западноевропейскую цивилизацию и образ жизни европейцев, а также российских западников, слепо преклонявшихся перед Европой. В эпоху начавшихся в России преобразований Александра II данная проблема была в российском обществе чрезвычайно актуальной.

Критическое отношение Достоевского к Западу связано в первую очередь с отрицательным восприятием западничества как феномена подражательности, навязывания русским людям западноевропейских стандартов жизни. Мыслитель с позиций почвенничества осуждал политиков-западников — Петра I и его реформы. В статье «Два лагеря теоретиков» (1862), оценивая реформы Петра, Достоевский делал вывод о неприятии русским народом навязанных сверху реформ, особенно если эти реформы разрушали национальные традиции. «...Народ отрекся от своих реформаторов и пошел своей дорогой — врозь с путями высшего общества... Земство разошлось с служилыми сословиями. Последовавшие за петровской эпохой исторические обстоятельства только усиливали это раздвоение общества от массы народной. О народе — о главном — часто забывали, думали больше о самих себе» [XX, 15].

После закрытия журнала «Время» в 1863 году Ф.М. Достоевский в новом журнале «Эпоха» продолжал отстаивать тезис о русском народе. Обострилось неприятие писателем буржуазных порядков, буржуазного образа жизни после поездки в Европу. Неизменным оставался тезис о единении общества в России.

После закрытия журнала «Эпоха» Достоевский вплотную занялся подготовкой крупных художественных произведений о российской действительности. В 1866 году им был написан роман «Игрок», а в 1865–1866 годах — роман «Преступление и наказание».

Роман «Игрок» посвящен изучению процесса деградации личности в условиях капиталистического общества, где жажда наживы уродует человека, превращает его в раба денег. Главный герой романа, учитель Алексей Иванович, всецело поглощен пагубной страстью — игрой в рулетку, доходящей до потери контроля над собой, — в вымышленном городе Рулетенбург. Сам Достоевский многие годы был подвержен этой привычке, нередко проигрывал в казино последние деньги, личные вещи, все самое необходимое. На фоне различных типов европейцев — немцев, французов, англичан — русский человек, показанный в романе, даже самый бедный, ничтожный оказывается неизмеримо выше, честнее, благороднее многих из них. Европейцы (немцы, французы) — даже выходцы из высших сословий — изображены писателем пренебрежительно, иронично, лишенными нравственных качеств.

Роман «Преступление и наказание» (первоначально Достоевский хотел назвать свой роман «Пьяненькие») затрагивал новые темы. Трагедия личности виделась писателю на фоне нараставшего духовно-нравственного кризиса российского общества. Начатые императором Александром II преобразования проходили медленно, противоречиво, порождая конфликты. Сам роман также полон социальных конфликтов. Достоевский поднял в романе острую проблему: главный герой, студент Родион Раскольников, возмнил себя русским Наполеоном, сверхчеловеком, которому все позволено — в том числе позволено распоряжаться жизнью других людей. «Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» [VI, 322]. Убийство старухи и ее сестры Лизаветы породило личную трагедию Раскольникова, который в конечном счете пришел к выводу о крахе своей теории.

Социальный характер романа нашел выражение в различных формах протеста про-

тиво окружающей действительности. Раскольников протестовал посредством убийства, Мармеладов — посредством беспробудного пьянства. Свидригайлов в знак протеста покончил жизнь самоубийством. Катерина Ивановна оказалась выброшенной на улицу с маленькими детьми. Соня для спасения семьи от нищеты вынуждена была заняться проституцией.

Символом бунта в романе стал топор. Выбирая оружие убийства, Раскольников остановил свой выбор на топоре — крестьянском орудии труда. Именно к топору призывали Русь радикалы-революционеры в прокламациях начала 1860-х годов. Топор превратился в символ насилия. С нарастающим социальным напряжением, началом политического террора связан в романе карикатурный образ нигилиста Лебезятникова. Роль людей подобного типа в российском обществе возрастала. Они создавали атмосферу социального напряжения, несли смерть и разрушение. Эти стороны нигилизма писатель не мог принять ни при каких обстоятельствах. 4 апреля 1866 года прозвучал первый выстрел — Дмитрия Каракозова: революционеры начали охоту на Александра II. Достоевский, идеализировавший русского императора, тяжело переживал сообщения о покушениях на его жизнь. «...Наша конституция, — отмечал он в письме к А.Н. Майкову от 21–22 марта 1868 года, — есть взаимная любовь монарха к народу и народа к монарху. Да, любовное, а не завоевательное начало государства нашего... есть величайшая мысль, на которой много соизидется» [XXVIII-2, 280].

В романе «Преступление и наказание» Достоевский оказался верен своей прежней традиции критического изображения капитализма. Преуспевающий предприниматель Петр Петрович Лужин измерял ценность людей посредством толщины их кошелька. При помощи денег он хотел возвыситься над окружающими, которых презирал. Лужин трижды изгонялся на протяжении романа — Раскольниковым, Дуней и Лебезятниковым. Новые люди, капиталисты пореформенной российской действительности, становились типичными для общества, приходили на смену гоголевскому Чичикову, чтобы впоследствии воплотиться в чеховском Лопухине, героях-купцах Островского, Горького, Шишкова.

В «Преступлении и наказании» Достоевский впервые обратился к теме православия как ведущей духовной ценности российской жизни. Он не подвел Раскольникова окончательно к вере, но сделал вывод, что преступления совершаются отрицанием, неприятием Бога. «Под подушкой его (Раскольникова. — *Авт.*) лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей (Соне. — *Авт.*), была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря» [VI, 422].

Важной вехой в осмыслении Достоевским российской действительности, места в ней православного человека стал роман «Идиот» (1868). Главный герой романа князь Мышкин вернулся в Россию из-за границы, где столкнулся со множеством социальных и нравственных проблем как носитель высокого нравственного духа, образец христианского служения. Он постоянно находился в напряженном поиске правильных жизненных путей, стремился разобраться в собственном внутреннем мире, «восстановить и воскресить человека».

Во второй половине 1860-х годов под влиянием общественно-политических условий и жизненных обстоятельств в мировоззрении Достоевского усилились антикатолические, антипапские настроения. Еще в «Записной тетради 1864–1865 гг.» он отмечал: «Папская власть падет. Может быть, падением поднимется и очистится, но не пойдет впрок... Нет веры в самом папе. В служителях церкви — разве суеверие» [XX, 189]. И далее: «Католицизм (*сила ада*)» [Там же, 191].

В романе «Идиот» писатель стал на путь разоблачения католицизма как ложной, противной идеалам христианства доктрине. «...Католичество римское, — говорил князь Мышкин, — даже хуже самого атеизма. <...> Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного

и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует... Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле... Римский католицизм даже и не вера, а решительное продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти из них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католицизма!» [VIII, 450–451].

Достоевский проследил тесную связь католицизма не только с европеизмом, атеизмом, но и с социализмом. «Ведь и социализм порождение католицизма и католической сущности! Он тоже, как и брат его атеизм, вышел из отчаяния, в противоположность католицизму в смысле нравственном, чтобы заменить собой потерянную нравственную власть религии, чтобы утолить жажду духовную возжаждавшего человечества и спасти его не Христом, а тоже насильем! Это тоже свобода чрез насилье, это тоже объединение чрез меч и кровь!» [Там же, 451].

Писатель с новой силой подверг критике Римский престол в связи с тем, что на заседании Вселенского Ватиканского собора в Риме 18 июля 1870 года был принят догмат, согласно которому папа обладал непогрешимостью в вопросах веры и нравственности. В очерке «Сила мертвая и силы грядущие» писатель сделал такое заключение по этому поводу: «...Продажа истинного Христа за царства земные совершилась» [XXXII, 89], а сам собор он назвал «нечестивым».

В романе «Идиот» Достоевский противопоставил католицизму истинную веру — православие. «Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали! Не рабски попадаясь на крючок иезуитам, а нашу русскую цивилизацию им неся, мы должны теперь стать перед ними...» [VIII, 451–452].

Ф.М. Достоевский стремился доказать (в том числе и себе самому), что в русском человеке духовно-нравственные качества сильнее денег, наживы и т.п. Настасья Филипповна, далеко не высоконравственная женщина, сумела противостоять искушению капитала, когда бросила в печь сто тысяч Рогожина, что сделало ее поступок еще более весомым.

В 1860–1870-е годы писатель вел идейную борьбу с позиции почвенничества против западников-либералов, славянофилов, революционных демократов, в том числе по проблеме определения путей дальнейшей эволюции Российского государства. Борьба эта нередко принимала характер ожесточенных споров.

Порождением западничества писатель считал российский либерализм, анализу которого посвящено достаточно много места в романе «Идиот». Он трактовал либерализм как искажение первозданных понятий, общепринятого человеческого начала и нравственности. Российский либерализм несовместим с русской идеей. «Мой либерал, — говорил князь Мышкин, — дошел до того, что отрицает саму Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все» [VIII, 277]. На почве восприятия России и русского народа Достоевский разошелся с либералом Тургеневым, который, постоянно живя в Париже, оценивал Россию из-за границы часто с негативных позиций.

Именно в период глубинных преобразований российского общества мыслитель усилил критику западников, что не всегда носило объективный характер (например, критика Чаадаева). Своей критикой Запада Федор Михайлович стремился разбудить русский народ, доказать его способность двигаться по пути прогресса в авангарде европейских народов, но без оглядки на Запад.

В апреле 1867 года Достоевский с женой выехали за границу, где прожили более четырех лет. Находясь за границей, писатель остро чувствовал разлуку с Россией, переживал за русский народ, ставил его выше европейских народов. «Всему миру готовится великое через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием...), и это совершится в какое-нибудь столетие — вот моя страстная вера. Но чтоб это великое дело совершилось, надобно чтоб *политическое право* и первенство великорусского племени над всем славянским миром совершилось окончательно и уже бесспорно» [XXVIII-2, 260].

Анализируя место и роль идейно-политических течений, Достоевский пришел к важному выводу: Европа в силу особенностей своего развития придет к краху, к гибели. Россия же лишь переболеет. Роль России — противостоять гибельному пути, спасти самой и спасти Европу, но спасти мирно, без насилия и революции. Мыслитель считал, что Россия будет судьей Европы. Он не раз повторял: судите Россию не по тому, что она есть, а по тому, чем она хочет стать.

1870-е годы стали вершиной творчества Ф.М. Достоевского. В эти годы им были написаны романы «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», рассказы и очерки, «Дневник писателя». В романе «Бесы» писатель резко осудил радикальные настроения и практику радикалов, выразившиеся в убийстве членами группы «Народная расправа» студента Иванова. Это преступление потрясло Достоевского. Он положил реальное событие в основу романа, показав различные типы революционеров, в идеях и деятельности которых видел погибель России. «Кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога... Вот это-то и есть тема моего романа. Он называется “Бесы”...» — отмечал Достоевский в письме к А.Н. Майкову от 9 октября 1870 года [XXIX-1, 145].

С особой силой изучение различных сторон российской действительности и русского народа нашли отражение в «Дневнике писателя», который он стал выпускать с 1873 года. Коренной чертой народа писатель считал «потребность страдания... Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдательная струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно», — писал он в очерке «Влас» [XXI, 36].

Самым главным знанием русского народа Достоевский объявлял знание Иисуса Христа. «Христа он знает и носит его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения» [Там же, 38]. Любовь к Христу Федор Михайлович называл «единственной любовью народа русского». Мыслитель не идеализировал русский народ, видел не только положительные, но и отрицательные его черты. Так, в статье «Мечты и грезы» («Гражданин», № 21, 1873) он обратился к острой социальной проблеме российской действительности — пьянству. Проблема эта всегда беспокоила писателя и нашла отражение во многих произведениях. Русский народ, по его мнению, «найдет в себе охранительную силу, которую всегда находил; найдет в себе начала, охраняющие и спасающие, — вот те самые, которых ни за что не находит в нем наша интеллигенция. Не захочет он сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака!...» [Там же, 95].

Писатель считает, что интеллигенция призвана нести в народ культуру, просвещение, знания, потому что она в долгу перед народом. «...Мне воображается, что даже самый беднейший какой-нибудь школьный учитель и тот бы ужасно много мог сделать и единственно своей инициативой, захоти только сделать! <...> Даже самый мелкий сельский школьный учитель мог бы взять на себя весь почин, всю инициативу освобождения народа от варварской страсти к пьянству, если б только того захотел» [Там же, 95–96].

Критикуя отсталость, грубость, невежество русского народа, Достоевский в то же время подчеркивал: «...Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и самой мерзости

своей постоянно въздыхает». И далее: «Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» [XXII, 43]. Он приводил в пример идеалы святых русского народа — Сергия Радонежского, Феодосия Печерского, Тихона Задонского.

В романе «Подросток» (1875) писатель продолжал изобличать пороки российского общества. Одна из них — безудержная страсть к наживе, к подавлению личности капиталом, властью денег. Главный герой романа Аркадий Долгорукий (не князь) мечтал стать таким же богатым, как Ротшильд, и тем самым добиться могущества. «...Деньги — это единственный путь, который приводит на *первое место* даже ничтожество. Я, может быть, и не ничтожество, но я, например, знаю по зеркалу, что моя наружность мне вредит, потому что лицо мое ordinarily. Но будь я богат, как Ротшильд, — кто будет справляться с лицом моим и не тысячи ли женщин, только свистни, налетят ко мне со своими красотами? Я даже уверен, что они сами, совершенно искренно, станут считать меня под конец красавцем. Я, может быть, и умен. Но будь я семи пядей во лбу, непременно тут же найдется в обществе человек в восемь пядей во лбу — и я погиб. Между тем, будь я Ротшильдом, — разве этот умник в восемь пядей будет что-нибудь подле меня значить? Да ему и говорить не дадут подле меня! <...> Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в том вся главная их сила» [XIII, 74].

Достоевский анализировал тяжелую болезнь, поразившую пореформенное российское общество, — страсть к накопительству, богатству, безудержное желание нажиться любым путем, прошагать по трупам к маниакальной заветной цели. На этом пути уничтожались любые нравственные человеческие качества, — честь, совесть, стыд, сострадание, милосердие, порядочность. Писатель открыл закон бессмысленности чрезмерного богатства.

В современном российском обществе, подверженном язвам стихийного, дикого капитализма, забывшим непреложный закон, что капитал, прибыль создаются только трудом, идеи Достоевского весьма назидательны и полезны — и в то же время опасны для тех, кто накопил свое богатство нечестным путем, эксплуатацией чужого труда, присвоением его результатов.

Начало Русско-турецкой войны 1877–1878 годов Федор Михайлович воспринял положительно, увидев в ней народную войну. «Это сам народ поднялся на войну с царем во главе. <...> Когда читали царский манифест, народ крестился и все поздравляли друг друга с войной» [XXV, 94]. В войне монархист-Достоевский видел единение народа с монархией. Писатель оправдывал войну как патриотическую акцию. «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь «братьев-славян», измученных турками, поднимаемся мы, а и для собственного спасения; война освежит воздух, которым мы дышим и в котором задохались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте» [Там же, 95].

Достоевский идеализировал войну как социальное явление. В письме к племяннице С.А. Ивановой от 17 августа 1870 года, находясь на территории Германии во время франко-прусской войны, он давал оценки роли войны в истории цивилизации. «Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам и непременно ожесточается и впадает в варварство. Я говорю про народы в целом. Без страдания и не поймешь счастья. Идеал через страдание переходит, как золото через огонь. Царство небесное усилием достается» [XXIX-1, 137–138].

В «Дневнике писателя» за 1876 год Достоевский вновь обращался к вопросу о роли войны в обществе, прибегая в оправдание собственной позиции к христианским оцен-

кам. «Христианство само признает факт войны и пророчествует, что меч не пройдет до кончины мира; это очень замечательно и поражает» [XXII, 124]. Писатель полагал, что современный ему мир гораздо хуже войны, «до того хуже, что даже безнравственно становится под конец его поддерживать: нечего ценить, совсем нечего охранять, совестно и пошло охранять. Богатство, грубость наслаждений порождает лень, а лень порождает рабов. <...> Человек по природе своей страшно склонен к трусливости и бесстыдству и отлично про себя это знает; вот почему, может быть, он так и жаждет войны, и так любит войну: он чувствует в ней лекарство. Война развивает братолюбие и соединяет народы. <...> Заставляя их взаимно уважать друг друга. Война освежает людей. Человеческое братолюбие всего более развивается лишь на поле битвы» [Там же, 125].

С подобной однобокой оценкой войны согласиться трудно. Кроме восторгов от героизма воинов, любая война несет неисчислимые жертвы мирного населения, бедствия, разруху, страдания. Нет необходимости в войне для того, чтобы через страдания испытать счастье. Прошедший сам через страдания, мыслитель не понял негативного влияния войн на общество и на историю человечества.

Оценки Достоевским Русско-турецкой войны 1877–1878 годов были восторженными. «...Нам нужна война и победа. С войной и победой придет новое слово, и начнется новая жизнь, а не только одна мертвящая болтовня, как прежде...» [XXV, 96]. В войне писатель видел средство разбудить русский народ, объединить его с царем на фундаменте патриотизма.

Идеализация Достоевским народного характера войны исходила из убеждения в непобедимости России и русского народа, в возрождении патриотизма. «...Мы непобедимы ничем в мире... Мы можем, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного с сознанием народным...» [Там же, 97].

Мыслитель делал оговорку, что не всякая война есть благо; война «из-за приобретения богатств, из-за потребности ненасытной биржи» есть несчастье, она несет смерть. Однако в Русско-турецкой войне 1877 года писатель видел «подъем духа нации ради великодушной идеи» [Там же, 98]. В войне, которую начала Россия на Балканах, Достоевский видел спасение России, святость идеи освобождения угнетенных православных братьев-славян.

Вершиной художественного творчества Достоевского стал роман «Братья Карамазовы» (1880). В трагедии семьи Карамазовых воплотилась трагедия всего российского общества, утрата преемственности поколений, дегуманизация и дегармонизация личности. «Карамазовщина» как состояние безверия, безнравственности внедрилась в сознание и поведение народа. Не случайно город, в котором жили герои романа, носил название Скотопригоньевска.

В братьях Карамазовых Достоевский показал различных представителей интеллигенции, на которую он сам возлагал надежды в деле просвещения русского народа. Старший брат Дмитрий — отставной офицер, бунтарь, мятущаяся душа, но добрая, прямая, часто беззащитная. Он берет на себя чужой грех убийства и идет на каторгу. Средний брат Иван постоянно подвержен сомнениям, что ставит его в положение между Богом и дьяволом. Не случайно в одной из глав романа к Ивану является сам черт. Младший брат Алеша близок автору. Это чистая, светлая душа, православный молодой человек, чуткий и искренний, любящий Бога и людей. Алеша продолжил галерею положительных героев Достоевского — Макара Девушкина, князя Мышкина, Аркадия Долгорукого.

Есть в романе еще один образ — Павла Смердякова, незаконнорожденного сына Федора Павловича Карамазова и Лизаветы Смердящей. Трус, убийца, корыстолюбец, социальный тип лакея с чрезмерным апломбом и тщеславием. Понятие «смердяковщина» стало нарицательным — это злое начало в человеке, его антихристианская сущность.

В романе «Братья Карамазовы» воплотились раздумья Достоевского о вечных, философских проблемах бытия человека. «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. <...> Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывая как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. <...> Что уму представляет позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» [XIV, 100].

Не случайно Достоевский вложил слова о красоте в уста самого безнравственного из братьев Карамазовых — Дмитрия. Извечной мечтой писателя с юных лет было стремление проникнуть в глубины человеческой души, понять ее природу, отыскать тайники, разобраться в лабиринтах. Вывод Достоевского — «все за всех виноваты». Испупление, принятие чужого греха, вина за несодеянное — высшая мера духовного очищения, которое принял сам писатель, осужденный на каторгу. Его идеи, высказанные в романе «Братья Карамазовы», непосредственным образом были связаны с типичными сторонами российской действительности, с разнообразными формами жизни общества и востребованы с учетом новых реалий эволюции России и русского народа.

Одной из ведущих стала тема, изложенная автором в легенде-главе «Великий инквизитор». Здесь и критика католической церкви, и идея искоренения бедности и нищеты, и идея всепрощения, выраженная в победе Абсолютного добра над злом. На речь великого инквизитора, говорившего в тюрьме с Иисусом, последний ответил не злым словом, не протестом, а тихим, смиренным поцелуем. Смирение в христианском осмыслении одержало великую победу над злом.

При подготовке романа Достоевский обращался к евангельским текстам, к сочинениям великих учителей Церкви Нила Сорского, Иоанна Дамаскина, Исаака Сирина, Сергия Радонежского, Тихона Задонского и других подвижников. Сильное влияние оказало на писателя посещение Оптиной пустыни.

Многие суждения Федора Михайловича носили пророческий характер, намного опередили его время. Сказывалось глубокое понимание мыслителем человеческой природы, внутреннего мира человека, тенденций развития российского общества. Наиболее отчетливо пророчества относительно судеб России прозвучали в романе «Бесы» в идейной программе идеолога «бесов» Шигалева. Он предлагал «в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности...» [X, 312]. «...У него, — говорил о социально-политической системе Шигалева Петр Верховенский, — каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. <...> Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями — вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина!» [Там же, 322].

Близок Шигалеву по идейным убеждениям другой «бес»-нигилист — Николай Ставрогин, разработавший принцип революционной борьбы. «...Подговорите четы-

рех членов кружка укокошить пятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитою кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут, не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать!» [Там же, 299].

Не все предвидения Достоевского сбылись, да и не могли достоверно предсказать все происходившие в России в XX столетии события. Но сама постановка многих вопросов заставляла задуматься над поиском истинных путей к социальной справедливости, разумности отношений власти и народа.

Глубокое понимание Ф.М. Достоевским природы России, русского народа выразилось в его знаменитой речи о Пушкине. Пушкин был для Федора Михайловича идеалом поэта, мыслителя, гражданина, самым русским человеком среди всех русских людей. «...Величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу, *нашел великий и возделенный исход для нас, русских, и указал на него.* Этот исход был — народность, *преклонение перед правдой народа русского*». Пушкин для Достоевского был «не только русский человек, но и первым русским человеком». «Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто» [XXVI, 114].

200-летний юбилей Ф.М. Достоевского вызывает все возрастающий интерес к творчеству великого русского писателя, одного из самых популярных мыслителей в России и мире.

